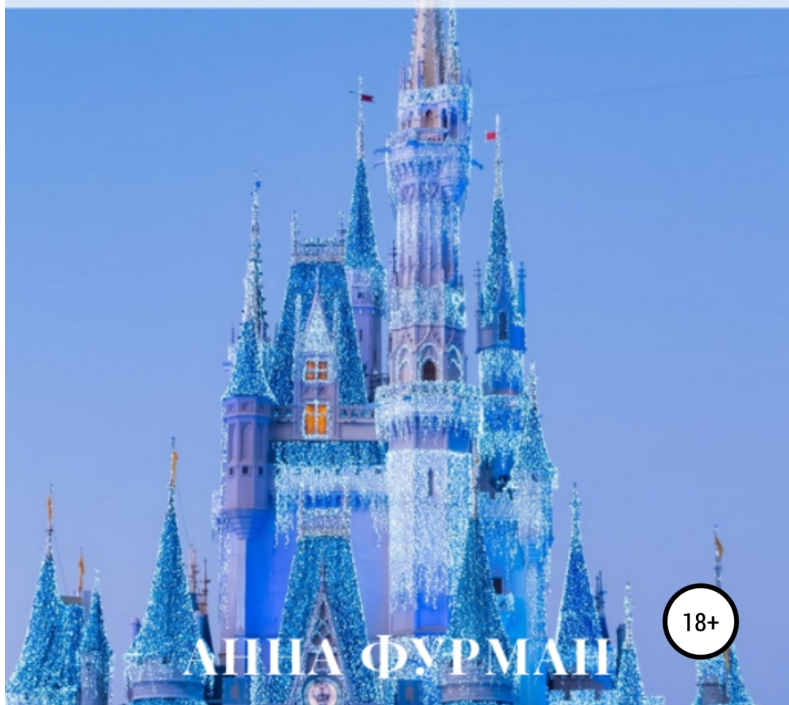

Одновременно в...

АННА ФУРМАН

18+

Анна Фурман
Однажды в...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67473827
SelfPub; 2022*

Аннотация

Что будет, если по мановению волшебной палочки Золушка окажется не на балу, а, скажем... в избушке на курьих ножках?

Анна Фурман

Однажды в...

Однажды в Тридевятиом царстве, в Тридесятом государстве что-то пошло не так. Мыши-лошади били копытами во дворе, тыква-каре́та сверкала позолоченным боком, а крыс-кучер вальяжно крутил усы, развалившись на облучке, в ожидании приказов. Фея-крёстная, спохватившись в последний момент, взмахнула палочкой, дабы превратить старое застиранное платье в шикарный наряд под стать принцу и балу. Россыпь оранжевых искр пронзила воздух. Со всех сторон повалил плотный густой дым. Золушка закашлялась. Вытерла слезы и... Что-то определенно пошло не так.

Фея, мыши, тыква, крыс и даже батюшкин дом волшебным образом исчезли. Золушка помотала головой, снова потерла глаза, зажмурилась, погружаясь в караван причудливых линий за плотно сомкнутыми веками... Но ничего не изменилось. Взору предстала та же жуткая картина, что и секунду назад: Золушка попала в чей-то заброшенный дом. Сначала она ощутила ужасный холод. В тех краях, где жила Золушкина семья, таких морозов отродясь не бывало. За холодом явился запах: гнилые овощи и отсыревшее сено. Золушка огляделась в поисках источника вони и чего-нибудь, что можно накинуть на плечи, дрожащие под ветхим летним одеянием. Убранство дома было скудным: грубый деревян-

ный стол на крепких ножках, три стула, палка-клюка, печка, не топленная уже очень давно, да кривой шкаф. В одной стене виднелось маленькое грязное окошко под самым потолком, вдоль другой была натянута веревка, на которой болтались пучками высушенные травы. Наконец Золушка обнаружила то, что искала – груды серого тряпья, тихонько храпящую в углу напротив двери. Храпящую?

– П-п-простите... – чуть слышно произнесла Золушка.

Она стала медленно отходить подальше от храпящего тряпья. План бегства, конечно, был не ахти как хорош: на улице еще холоднее, чем в доме, но сталкиваться с существом, живущим в таких условиях, не хотелось вовсе. Лучше уж замерзнуть. Золушка слышала, что это быстрая смерть.

Отступление провалилось, когда под маленькой ножкой предательски икнула половица. Следом за этим звуком тут же раздался другой, – из серой груды – не менее противный, похожий одновременно на кашель и хрип умирающего барсука.

– Ась? Шось? – проскрипела груды, обретя человеческий голос.

Над тряпками показалось сонное лицо на растрепанной голове.

– Кто здесь? – лицо с трудом продрало глаза и уставилось на девицу. – Ты шо это? Откудась?

Золушка облегченно вздохнула. Едва ли старушка сможет

причинить ей больший вред, чем лютый мороз и невесть что еще снаружи. Из тряпья тем временем появились шея, грудь и руки – весьма тощие, со скрюченными пальцами и сильно отросшими ногтями.

Вдруг дом накренился: сначала в одну сторону, потом в другую, и комната стала подниматься, словно что-то толкало ее из-под пола или тянуло за крышу вверх. Золушка прижалась спиной к стене и уперлась в нее руками. Страх снова отразился на юном прекрасном лице: глаза расширились, а рот открылся не то в крике, не то в изумлении.

– А ну, цыц! – скомандовала половина старушки. – Кто тебя просил вертеться?

К кому бы она ни обращалась, это сработало. Дом замер и обреченно охнул стенами, полом и потолком разом.

– То-то же... А ты, помоги бабушке подняться, – теперь она обращалась к Золушке.

Девица, осторожно ступая, пересекла комнату. В протянутую хрупкую руку тут же вцепилась старушечья, больше похожая на клешню, нежели на ладонь. От души крякнув и скрипнув коленями, которые тоже обнаружили под грудой тряпья, старушка, наконец, предстала перед Золушкой в полный рост.

– А вы похожи на мою мачеху, – Золушка вновь обрела дар речи, оглядев хозяйку дома с ног до головы. – Только глаза добрее.

– Ох ты ж, – удивилась старушка. – Добрее.

Золушка смущенно улыбнулась, чуть постукивая зубами.

– Замерзла, болезная? Эт мы щас, эт мы щас...

Безо всяких волшебных палочек и нелепых заклинаний, в каменной печке по велению зажегся огонь. Вместе с огнем “зажглась” и сама старушка, принявшись бегать по комнате, весьма резво для столь почтенного возраста.

На столе возникли чашки, извлеченные из необъятного скрипучего шкафа. В огонь полетел пучок травы, дым от которой тут же затопил дом легким ароматом весенних цветов и волшебным жаром. Из разверстой пасти печи выплыли румяные пирожки – Золушка принялась – с лесными ягодами. Окно под потолком выросло, открывшись широко, словно сонный глаз, являя дивный пейзаж заснеженного леса.

Комната, которая еще несколько минут назад казалась заброшенной, вмиг наполнилась жизнью. Хозяйка теперь уже опрятной лесной избушки жестом пригласила гостью за стол, а сама сняла с огня большой чугунный чайник и разлила по чашкам душистый отвар.

– Ты откудась будешь да звать тебя как? – спросила старушка, глядя, как осмелевшая и отогретая девица уплетает пирожки.

– Зфать меня Золушкой, я из Тридефятого цафстафа, – отозвалась она с набитым ртом.

– Вон шось, – старушка закивала. – А попала-то сюды как?
Золушка проглотила остатки пирожка и блаженно зажму-

рилась.

– Фея-крестная хотела наколдовать мне платье, чтобы я поехала на бал...

– Ох энти мне Феи! А на бал-то тебе зачем?

– Так как же, принц...

Старушка хрюкнула и достала из-под стола большую бутыл без этикетки. Жидкость внутри нее переливалась даже сквозь помутневший стеклянный бок, а на дне, насколько Золушка могла различить, плавал какой-то осадок. Старушка ловко подцепила крючковатыми пальцами пробку и вытащила ее со звонким “чпоньк”. Жидкость наполнила до краёв опустевшие чашки. Над столом ненадолго зависло полупрозрачное чуть блестящее зеленое облако.

– Энто – абсент. А я – Яга, – наконец представилась хозяйка. – Счас я тебе расскажу об прынцах-то. Пей.

Золушка поднесла чашку к носу, втянула терпкий полынный аромат и осторожно отпила. Абсент больно лизнул губы, как маленький язычок пламени, но, проникнув внутрь, разлился невероятным теплом, от которого на душе стало легко и так хорошо, как не было уже очень давно. Яга тоже пригубила живительного пойла и начала свой рассказ:

– Ты, как я погляжу, не из тех девиц, што цельными днями на палатях лежат. Одежка у тебя рухляя, пальцы, вона, в саже перепачканы. На мачеху, говоришь, похожа? А маменька твоя хде?

– Умерла она, бабуленька, давно умерла... – Золушка

вдруг прониклась нежностью и полным доверием к чуть грубой, но доброй хозяйке-Яге.

– В замужестве, стало быть, померла-то?

– Когда я была еще маленькой девочкой.

Яга хлопнула в ладоши, будто услышала что-то радостное, и только лицо ее стало суровее: черты заострились, а между бровей зазмеились морщинки.

– То-то и то! – сказала она. – Батька и обженился снова. А ты чаво? В услужении у мачехи таперича?

Золушка кивнула, вмиг погрузнев.

– Я энтих принцев повидала ого-го сколько! – продолжила Яга. Избушка скрипнула половицей, поддакивая. – И всем подавай девиц юных: то Премудрую, то Прекрасную. И уж принцы до свадьбы лягух целовать готовы, лишь бы обженились скорее, да хозяйство спихнуть со своих плеч. А потом, знашь, где девицы-то ихние? А где ты у мачехи – за печкою, в золе ковыряются. Одна богатырей рожала да обабилась, приходила за снадобьем от растяжков. Другая в чем была через лес сбёгла от мужней родни. Все они тута бывали, все старой в коленки плакались. Взамуж-то не напасть, как бы замужем не пропасть.

Золушка слушала Ягу и вспоминала свое беззаботное детство. Мамины теплые ладони, вечно перепачканные копотью, как теперь у самой Золушки. Передник, в который было так приятно уткнуться, пахнувший хвоей и самую малость баландой для поросят. Тихий голос, всегда в полтона, чтобы

не потревожить покой отца, уставшего от тяжелой купеческой работы.

– Вижу по лицу-то, что понимаешь, об чем толкую. – Яга хлебнула еще абсента, Золушка повторила за ней. – А твой-ный принц, думаешь, лучше? Представь, то избу убирать, а то замок. Ты чай не принцесса, а Золушка. Вот об этом он и вспомнит после свадьбы да еще, глядишь, куском хлеба попрекать станет.

На глаза Золушки навернулись блестящие слезы.

– Но как же, бабушка, как жить? Неужели одной маяться?

– А я чаво? Маюся по-твоему? Погляди вокруг-то, кака красота. Лес да лес кругом, избушка на ножках, куда хошь меня снесет. Хочу пирожки ем, а хочу прянички. И главное-то – никто мне тут не указ.

Внезапно посреди комнаты взвился сноп голубых искр. Он закружился, создавая воронку, разбрасывая звездочки во все стороны. Яга вскочила и схватила клюку, направив ее как оружие на неизведанное колдовство, а ее верная избушка зловеще захлопала крыльями крыши, от чего на пол посыпалась солома. Золушка расплылась в чуть хмельной улыбке – она знала, что сейчас произойдет. И точно! Голубые искорки осели, а из самого центра воронки вышла Фея-крестная.

– Золушка! Дорогая! Вот ты где! – Бросилась Фея обнимать крестницу.

Яга махнула рукой, отставила клюку и уселась обратно – чему еще удивляться в такой чудной день?

– Я так виновата, прости меня! Перепутала слова заклинания и вместо платья открыла портал в... – Фея-крестная осеклась. – А где это мы?

– В избушке на курьих ножках, в моих владениях, – гордо ответила Яга.

Фея подозрительно посмотрела сначала на старуху, затем на стол с дымящимся абсентом:

– Она не пыталась тебя съесть?

– Та шо там есть, больно тощая!

– Нет, что ты, что ты! Яга отогрела меня, накормила, приняла как родную! – затараторила Золушка.

Фея сощурилась и фыркнула, но через секунду оттаяла, снова став воплощением добродушия.

– Я так рада, что ты цела! – Она поцеловала крестницу в лоб и повернулась к Яге. – Спасибо вам! Кем бы вы ни были! Спасибо, что помогли моей дорогой Золушке! Просите за это любое волшебство!

На этот раз пришел черед Яги фыркать:

– Нам вашего волшебства не надь, свое имеется! А вот за девкою лучше последи, она, вона, взамуж собралась!

– Ну а как же! – Фея подперла бока пухлыми ручками. – Как же не замужем девице! Как же! Как же...

Крестная отчего-то вдруг сдулась, будто меха для растопки, и плюхнулась на стул. Её взгляд упал на чашку абсента.

– Можно?

– Пей, чаво уж!

Золушка только захлопала глазами, глядя, как ее милая крестная залпом опрокинула остатки зеленой жижи и даже не поморщилась.

– Я ведь сама в разводе, – сказала Фея, облизав губы.

Яга усмехнулась.

Долго ли, коротко ли, сидели три женщины за ладным деревянным столом на крепких ножках, распивали зеленый абсент да о жизни разговаривали. Все три наплакались по своей девичьей доле. Все насмеялись, шутя о принцах, и даже погорланили песни да не заметили, как пришла пора прощаться.

Фея, чуть пошатываясь, встала из-за стола. Золушка, вытерев слезы, кинулась обнимать Ягу.

– Когда еще свидимся... – старушка и сама растрогалась да чуть не всплакнула. Неожиданная встреча обернулась прощанием горьким, как распитая настойка полыни.

– А что если... – Золушка вдруг оживилась, просяив.

Она, не говоря ни слова, кивнула Фее-крестной. Та подмигнула, словно разгадала коварный план и, напоследок окинув избушку лукавым взором, спросила:

– Ну что, на бал?

– На Бали!

Яга почесала в затылке, крякнула, достала из-под стола вторую бутылку зеленого пойла, топнула ногой, заставив избушку радостно подскочить. Золушка рассмеялась, хлопая

в ладоши. Фея поправила подол своего блестящего платья, взмахнула палочкой, и... всё завертелось.